

«Тук-тук, тук-тук, тук-тук-тук».

Семь размеренных, ритмичных ударов в дверь, а затем снаружи раздался голос, знакомый Цзин У:

— Банкет начинается.

Это был Се Фэй, таинственный постоялец в чёрном из номера 707.

Цзин У натянул парик старухи Мо-лао, вставил челюсть, быстро переоделся в её лохмотья и ссутулился, стараясь казаться ниже. Размяв кадык, он тихо хмыкнул — из горла вырвался старческий дребезжащий сип. Идеально.

Затем он достал из кармана чёрные перчатки, вывернул их наизнанку и натянул на руки. С обратной стороны материал с пугающей точностью имитировал тонкую человеческую кожу со всеми порами и прожилками.

В чемодане нашёлся целый арсенал женской косметики. Цзин У ловко воспользовался пудрой и карандашами, покрыв лицо, шею и руки старческими пигментными пятнами и глубокими морщинами. Маскировка должна быть безупречной.

На полу лежал настоящий владелец этих вещей — точнее, фальшивая «добродушная старушка», которая на поверку оказалась тощим, невзрачным мужиком.

Услышав стук в дверь, пленник отчаянно задёргался, пытаясь позвать на помощь, но собственный грязный носок, надёжно забитый в глотку, позволял издавать лишь жалкое мычание.

Се Фэй за дверью давно привык к подозрительной возне в комнатах. Не обратив на шорохи никакого внимания, он закончил с номером 706 и двинулся дальше по коридору.

Продолжая накладывать грим, Цзин У чутко прислушивался.

Один, два, три, четыре.

Помимо его номера 706, Се Фэй постучал ещё в четыре двери. Значит, на седьмой этаж поднялись четверо.

Но шагов слышно не было. Ни единого шороха, будто у этих людей напрочь отсутствовал вес.

Цзин У вспомнил, как шёл сюда вместе с Се Фэем и тем типом в обличье старухи — они тоже

двигались бесшумно.

"С ними явно что-то не так"

Впрочем, сам Цзин У, идя по коридору, тоже не слышал собственных шагов. Каким бы плотным ни был ковролин, он не мог полностью заглушить звуки открывающихся дверей. Седьмой этаж определённо жил по своим, особым законам.

Закончив с приготовлениями и услышав скрип открывающихся дверей, Цзин У медленно потянул ручку на себя.

Номера 706 и 707 располагались в самом тупике коридора. Едва выйдя наружу, он увидел, как из соседних комнат навстречу ему выдвинулись остальные постояльцы.

Сосчитав присутствующих, Цзин У заметил небольшое расхождение со своими ожиданиями.

Всего их было семеро, включая его самого в облике дряхлой старухи.

Облачённый во всё чёрное Се Фэй, высокий юноша в глубоко надвинутой бейсболке, девушка в очках и матроске, улыбочивый дядя среднего возраста с кружкой горячего чая в руках и, наконец, близняшки.

Взгляд Цзин У задержался на парне в бейсболке. Под накладными бровями старухи удивлённо взлетели его собственные.

"Этот силуэт... Почему он кажется таким знакомым?"

Юноша, словно почувствовав чужой интерес, поглубже вжал голову в плечи и отступил назад, явно избегая контактов. Цзин У понимающе отвёл глаза, сделав вид, что ничего не заметил.

Значит, Се Фэй постучал в четыре двери просто потому, что близняшки делили один номер на двоих.

Седьмой этаж, семеро участников... Эта странная секта явно питала слабость к числу «семь».

Каждый держал в руках какой-то предмет: у кого-то был портфель, у кого-то — термос, у девочки — школьный рюкзак. Огромный старый чемодан в руках Цзин У выглядел самым громоздким и тут же привлёк к себе любопытные взгляды.

Одна из близняшек прикрыла рот ладонью и ядовито усмехнулась:

— Сразу видно старую гвардию. Опять с новой добычей.

Цзин У натужно раскашлялся и заговорил дребезжащим голосом старухи Мо-лао — вкрадчивым, но сочащимся желчью:

— А как же иначе, деточка? Молодёжи у нас ещё учиться и учиться.

Девушка лишь презрительно скривилась.

Процессия двинулась за Се Фэем в самый конец коридора, к номеру 707.

За распахнувшейся дверью скрывалась вовсе не жилая комната, а просторный конференц-зал.

Выглядел он жутко: все стены от пола до потолка были заклеены даосскими талисманами. Жёлтые бумажки налезали друг на друга плотными слоями, напоминая шуршащую чешую какого-то бумажного монстра.

Окна по обе стороны зала были наглухо заперты. Поперёк рам тянулась красная нить с нанизанными на неё серебряными бубенцами — очевидно, защитный барьер от незваных гостей.

Посередине возвышался массивный, почти чёрный овальный стол. Вокруг него стояли ровно семь стульев. На столе перед каждым местом была установлена одинокая белая свеча.

В запертом помещении не должно было быть сквозняков, но стоило им переступить порог, как по ногам полоснуло ледяным ветром. Стены отозвались глухим шелестом сотен талисманов, будто невидимые духи шептались, приветствуя гостей.

Се Фэй, не оборачиваясь, прошёл во главу стола, выдвинул стул и сел, молча наблюдая за остальными.

Участники уверенно потянулись к своим местам, и тут Цзин У замялся. Он понятия не имел, где сидела настоящая Мо-лао.

Впрочем, ушлый босс быстро нашёл выход. Скорчив недовольную мину, он уставился на язвительную близняшку и проскрипел:

— Чего застыла, не видишь — бабушке тяжело стоять? Проводи до места. Нынешняя молодёжь совсем безрукая пошла.

Девушка вспыхнула и уже открыла рот, чтобы огрызнуться, но холодный взгляд старшей

сестры заставил её осечься. Стиснув зубы, она подошла и с силой рванула на себя стул по правую руку от Се Фэя.

Металл с противным скрежетом проехался по полу, выдавая её крайнее раздражение.

Цзин У вальяжно уселся и, не моргнув глазом, пустил очередную шпильку:

— Паршивые манеры. Никакого уважения к старшим. Сразу видно, родители воспитанием не занимались.

Когда упоминают родителей, это уже на грани. Обе сестры побелели от ярости и готовы были наброситься на наглого «старика», но Се Фэй негромко прервал их:

— Мо-лао, полегче на поворотах.

Цзин У пристроил чемодан подле себя и примирительно махнул рукой:

— Ладно уж, только ради тебя помолчу. Самой неохота связываться с неотёсанной деревенщиной.

Близняшки:

«...»

И кто тут ещё неотёсанный?!

Юноша в бейсболке, видимо, решил последовать его примеру. Он грубо толкнул плечом улыбчивого дядю среднего возраста и прохрипел:

— Моё место не занимай.

Дядя на секунду замер, его доброжелательная улыбка дрогнула, а в глазах промелькнула тёмная злоба. Но он быстро взял себя в руки:

— Ну что за шутки, парень. По результатам прошлого раза ты стоишь всего на одну ступень выше меня. С чего мне претендовать на твоё кресло?

Парень в бейсболке лишь пренебрежительно фыркнул и уселся по правую руку от мужчины.

Круглый стол был огромен.

Се Фэй восседал во главе. Справа от него устроился Цзин У, слева — юноша в бейсболке. Рядом с тем примостился дядя с термосом. Напротив расположилась молчаливая старшая близняшка, а замыкала круг её капризная сестра на противоположном конце стола.

Дистанция между ними была приличной. У каждого имелось строго определённое место, которое, судя по всему, зависело от итогов некоего рейтинга.

Издалека столешница казалась просто тёмной, но вблизи Цзин У разглядел на ней въевшиеся бурые пятна — следы какой-то густой засохшей жидкости.

Он осторожно провёл пальцами по нижнему краю стола и наткнулся на глубокие, неровные борозды. Проведя по ним, он понял: эти выемки были процарапаны человеческими ногтями в порыве дикого ужаса или боли.

Окинув присутствующих тяжёлым взглядом, Се Фэй удовлетворённо кивнул и достал из своего портфеля деревянную табличку, пенал и стопку одинаковых тетрадей.

Он торжественно водрузил табличку на стол. На ней красовалась надпись: «Писательский тренировочный лагерь».

Цзин У мысленно выпал в осадок.

"Серьёзно?! Нагнали такого жути, обставили всё как оккультный ритуал, и ради чего? Ради кружка литераторов?!"

Се Фэй открыл пенал и раздал каждому по тетради и ручке. Себе он оставил блокнот в алом переплёте и такого же цвета перьевую ручку.

Его портфель напоминал бездонный мешок фокусника — следом за тетрадями на стол переключались старинные песочные часы.

— Время на сдачу работы — два часа, — сухо объявил он.

Се Фэй перевернул часы. Вместо обычного песка внутри пересыпалась странная, багровая пыль, струящаяся вниз, точно тонкая струйка густой крови.

Лицо мужчины исказилось в фанатичном, почти религиозном благоговении. Голос его звучал тягуче и напевно, будто он читал древнюю литанию:

— До того как упадёт последняя песчинка, вы обязаны сотворить историю.

— Бисянь кошмаров выберет худший рассказ и воплотит его в реальность.

— Не позволяйте собственным кошмарам поглотить вас. Творцы... приступайте!

Пока Цзин У гадал, действительно ли им придётся писать сочинения, свечи перед каждым из присутствующих вспыхнули сами собой.

Пламя горело тусклым, мертвенно-белым светом, распространяя по залу едва уловимый сладковатый аромат. От фитилей потянулись струйки угольно-чёрного дыма.

"Классика дешёвых ужастиков. В конце обязательно выяснится, что все просто надышались ядовитыми испарениями и поймали массовый галлюциноз"

Но размышлять было некогда. Сидящие за столом зашуршали бумагой, яростно заскрипев перьями.

Чёрный дым сгущался с пугающей скоростью. Вскоре весь зал затянуло плотной ароматной хмарью, сквозь которую едва можно было различить лица сидящих напротив людей.

Цзин У примерился к своей ручке и сделал пробный штрих. Чернила оказались алыми, как свежая артериальная кровь, и оставляли после себя едва заметный металлический запах сырого мяса.

Бумага в тетрадах тоже была странной — желтоватая, глянцевая и пугающе мягкая на ощупь, словно он гладил чью-то нежную кожу.

Перо выводило багровые иероглифы, которые впитывались в плоть листа, будто калёное клеймо палача.

В ушах Цзин У зазвучал тихий, навязчивый женский плач. Спустя мгновение он сменился глухими мужскими рыданиями.

Прислушавшись, Цзин У уловил в этом скулеже до боли знакомые нотки — точь-в-точь как у того недомерка, которого он только что оставил связанным в номере 706.

Вдруг его щеки коснулось ледяное дыхание. Цзин У кожей почувствовал, как кто-то невидимый уставился на него из темноты прямо из-за плеча.

Не оборачиваясь и не прекращая писать, он проскрипел:

— Раз уж пришёл, внучок, разомни-ка бабушке плечи. А то спину совсем ломит.

Потусторонний гость явно не ожидал такой наглости. Воздух вокруг на секунду замер, после чего липкий замогильный холод нехотя отступил обратно в туман.

Из-за этой секундной заминки кончик пера слишком долго оставался на одном месте. Бумага под ним с тихим шипением прогорела, и из крошечной дырочки медленно засочилась густая чёрная кровь.

Цзин У нахмурился, быстро собрался с мыслями и принялся строчить. Краем глаза он заметил, что кое-кто из соседей уже закончил работу и поднял руку, сигнализируя о сдаче.

Босс Цзин не отставал — перо летало по листу с бешеной скоростью.

Он поставил жирную точку ровно в тот момент, когда последняя багровая песчинка соскользнула на дно стеклянной колбы.

Стоило ему закончить, как свежие чернила мгновенно впитались в бумагу, оставив после себя лишь бледные, похожие на шрамы рубцы.

Се Фэй занёс руку со своей красной ручкой над алым блокнотом. Он принялся яростно делать пометки, дёргаясь и размахивая локтями с такой экспрессией, что Цзин У невольно вспомнил издёрганных родителей, пытающихся вдолбить домашнее задание туповатому первокласснику.

Наконец Се Фэй замер и медленно, с каким-то жутким прищуром уставился прямо на Цзин У.

— Худшая история... у Мо-лао.

Цзин У мысленно хмыкнул:

"Опаньки. Похоже, отстающим учеником в этом классе оказался именно я"

— Бисянь крайне недоволен вашим опусом, — бесстрастно добавил Се Фэй. — Так что берегите себя, почтенная.

Договорить он не успел. Мир вокруг Цзин У внезапно покачнулся, перед глазами разлилась глухая, непроницаемая тьма, и он провалился в небытие.